DOI: 10.17976/jpps/2023.06.07
EDN: XXHFDK

РАЗНОСТОРОННИЙ ТРЕУГОЛЬНИК: ОТНОШЕНИЯ ЕВРОСОЮЗА С США И КНР

Н.К. Арбатова

АРБАТОВА Надежда Константиновна, доктор политических наук, зав. отделом европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: arbatova@imemo.ru

Арбатова Н.К. 2023. Разносторонний треугольник: отношения Евросоюза с США и КНР. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 83-99. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.07. EDN: XXHFDK

Статья опубликована в рамках проекта "Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество" по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Статья поступила в редакцию: 21.08.2023. Принята к публикации: 21.09.2023

Аннотация. Сотрудничество и конкуренция глобальных и региональных центров силы, которые стремятся увеличить свою мощь в целях более эффективной реализации национальных интересов, являются естественным состоянием и сутью полицентричности современных международных отношений. Курс Европейского союза на стратегическую автономию со всей остротой ставит вопрос о его отношениях с двумя глобальными центрами силы – Соединенными Штатами, важнейшим союзником ЕС, и Китаем, экономическим партнером и конкурентом. Должен ли Евросоюз стать полноценным независимым центром или же он должен играть вспомогательную роль самого лояльного союзника другого полюса – США? Этот вопрос лежит в основе современной стратегии ЕС. Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016 г. провозглашает общий курс на стратегическую автономию, но оставляет за скобками ответ на этот экзистенциальный вопрос, поскольку государства – члены ЕС по-прежнему принципиально расходятся во мнениях относительно конечных целей стратегической независимости.

Ключевые слова: Европейский союз, США, НАТО, КНР, РФ, стратегическая автономия, европейская безопасность, кризис евроатлантизма, полицентричность международных отношений, европейские ценности, экономическая конкуренция.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие теории полицентризма в международных отношениях и в глобальной экономической системе относится к 60-70-м годам прошлого века, когда появилась необходимость нового взгляда на мир, основанного на универсалистских/холистических подходах и динамичной природе географического пространства. В большой степени это объяснялось переосмыслением прежних теорий "мирового господства". Прежде всего, полицентрический, или многоузловой/многоуровневый, подход к центрам силы отвергал теорию мирового господства "хартленда" Хэлфорда Маккиндера [Mackinder 1904]. Ученые, географы, политологи, социологи в разных странах (Винсент и Элинор Остром, Сол Коэн, Джордж Модельски в США, Питер Тэйлор в Великобритании, Ив Лакост во Франции и др.) обратились к разработке новых теорий геополитического, экономического и управленческого полицентризма. Полицентричность в принципе обозначает сложную форму управления со множеством центров принятия решений, каждый из которых действует с определенной степенью

автономии. Английский ученый Г.Р. Кроун еще в конце 1960-х годов представил геополитическую систему, состоящую из десяти региональных иерархически упорядоченных группировок. которые имели исторический и культурный базис [Chrone 1969]. По мнению Кроуна, мировой баланс сил смещался от Европы и Запада в сторону Азии и Тихого океана. Он предсказал, что Тихий океан станет ареной противостояния СССР, Соединенных Штатов и Китая. Разумеется, в конце 60-х было невозможно предсказать распад СССР и, как следствие, выход независимой России на международную арену, а также возникновение Европейского союза как нового центра экономической силы.

В теории полицентричная система международных отношений предполагает, что центры принятия решений должны принимать во внимание друг друга в отношениях конкуренции и сотрудничества и быть способны разрешать конфликты [Marshall 2015]. Представленная статья сфокусирована на исследовании отношений трех глобальных центров силы – ЕС, США и Китая – в контексте полицентричных международных отношений. Системный метод анализа этих отношений как части международного ландшафта представляется наиболее эффективным для поставленной задачи.

ЕС И ДИНАМИКА ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Современные международные отношения имеют все признаки динамичного полицентричного[1] мира [Polycentric World... 2023]. К ним относятся появление новых разделительных линий между Россией и Западом, трансформация традиционного евроатлантического партнерства, характеризующаяся различиями в приоритетах безопасности США и ЕС, укрепление Китая как глобального центра силы и появление многочисленных региональных игроков – Турции, Индии, Ирана, ЮАР, Нигерии, Бразилии и других. Кроме того, межгосударственные отношения испытывают на себе влияние процессов глобализации и информационной революции, обострения жесткой конкуренции в экономической и военной сферах, усиления национализма и популизма и т.д. Таким образом, складывается исключительно сложная, динамичная, многоуровневая система международных отношений, в которой на разных ее “этажах” и по различным вопросам государства и транснациональные игроки могут одновременно оказаться и соперниками, и партнерами. Но в ней в конечном счете в самом выигрышном положении оказывается та держава или коалиция, которая построит лучшие отношения с другими центрами силы, чем они имеют между собой. До недавнего времени в таком положении был Европейский союз. Как отмечается в аналитическом материале Королевского института международных отношений Бельгии (Институт Эгмонт), “В многополярном мире стратегия ЕС заключается в том, чтобы одновременно относиться к другим державам как к партнерам, конкурентам и соперникам. Великие державы традиционно компартментализируют свои отношения: они сотрудничают там, где могут, но дают отпор, когда должны. Даже по отношению к России после первоначального вторжения в Украину в 2014 г. ЕС продолжал сигнализировать, что готов сотрудничать в области, где интересы совпадали” [Biscop, Desseint, Roctus 2023].

[1] Полицентричность и многополярность употребляются в научной литературе как синонимы. Однако семантически термин полицентричность точнее, поскольку он подразумевает систему международных отношений, противоположную биполярной.

Строго говоря, в настоящее время единственным полноценным центром силы являются Соединенные Штаты Америки, экономический и военный потенциал которых гарантирует их политическое влияние в мировых делах, что и породило представление об однополярности, или американоцентричности мира. Китай приближается к этим стандартам, хотя эпидемия коронавируса нанесла серьезный удар по престижу страны, от которого ему будет нелегко оправиться. Вместе с тем, по мнению многочисленных экспертов, внутриполитическое развитие Китая предвещает конец китайского экономического чуда. Экономическое "чудо" Китая было не таким уж чудом. Стремительный рост экономики страны за последние 40 лет на самом деле являлся триумфом основных экономических принципов: по мере того как государство уступало место рынку, процветали частное предпринимательство и торговля, ускорялся экономический рост и увеличивались доходы. "Однако этот простой урок, по-видимому, остался незамеченным Си Цзиньпином. Лидер Китая отказывается от десятилетиями проводившейся политики, переутверждая власть Коммунистической партии в экономике и перенаправляя китайский бизнес внутрь страны. Действительно, столкнувшись с растущей враждебностью в Вашингтоне, поворот Си Цзиньпина, похоже, ускоряется – с потенциально серьезными последствиями для экономического прогресса Китая и его отношений с остальным миром"[2]. Речь может идти об усилении социальной напряженности на фоне возможных экономических трудностей, что создаст соблазн перенаправить недовольство граждан вовне.

Что касается Европейского союза и России, то они представляют две противоположные модели. Европейский союз является центром экономической мощи, тогда как Россия – центром военной мощи. Несомненно, по сравнению с европейским "концертом наций" XIX в. и биполярностью XX в. сегодняшняя международная система гораздо более сложна и глобальна по своим масштабам [Арбатова 2020: 52].

Европейский союз создавался как антипод жесткой силы. Этой цели соответствовала и определенная модель экономики, главной задачей которой было выстраивание единого внутреннего рынка с четырьмя свободами перемещения – капиталов, товаров, услуг и людей – и создание комфортных условий для населения стран ЕС. Сегодня Евросоюз – третья экономика мира, и с этой точки зрения он уже является глобальным экономическим центром силы. Но с 2016 г. взят курс на стратегическую автономию, т.е. создание автономного военного потенциала, который вкупе с экономическим потенциалом должен превратить ЕС в полноценный центр силы, сопоставимый с США и Китаем [Арбатова 2019].

Кроме того, геоэкономическая конкуренция в современном мире, уязвимость в сфере безопасности поставок и сложная технологическая зависимость являются вызовами "стратегической автономии" Европейского союза, поскольку в основе механизмов безопасности и обороны лежит экономическая устойчивость. Европа, структурно зависящая как от США, так и от Китая в самых разных областях, от цифровых платформ до телекоммуникационной инфраструктуры, оказалась в эпицентре борьбы Пекина и Вашингтона за технологическое лидерство в мире. Таким образом, создание технологической автономии, или технологического суверенитета ЕС, – неотъемлемая часть строительства военного суверенитета [Стратегическая автономия ЕС... 2020].

[2] Schuman M. The undoing of China's economic miracle. *The Atlantic*, 11.01.2021. https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/01/xi-jinping-china-economy-jack-ma/617552/ (accessed 01.09.2023).

По определению Европейского парламента, технологический суверенитет следует понимать как предотвращение ситуаций, когда ЕС зависит от единственного или ограниченного числа поставщиков технологий из третьих стран, имеющих решающее значение для стартапов, экономического и социального благополучия ЕС[3]. В свою очередь Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель на слушаниях в Европейском парламенте подчеркивал[4], что мировой порядок движется от многостороннего сотрудничества к силовой политике, организованной вокруг противостояния Вашингтона и Пекина, и Европейскому союзу необходимо также изучить язык силы, чтобы отстаивать свой собственный независимый голос и не быть зажатым в столкновении двух титанов. В то же время в экспертном сообществе Европейского союза звучало мнение, что "ЕС следует избегать вступления в игру любой из двух других сверхдержав, особенно когда США Дональда Трампа перестали быть полностью надежным партнером" [Morillas, Quero 2020].

До начала специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 г. определяющими тенденциями мирового развития были отношения в четырехугольнике США – ЕС – Россия – Китай. Нарастание противоречий между Россией и Западом, с одной стороны, и между Китаем и Западом (прежде всего, США), – с другой вызывали беспокойство в странах ЕС и НАТО относительно усиления латентной биполярности между либеральным и нелиберальным капитализмом. Тем не менее в контексте возрождения идеологического противостояния в рядах главных оппонентов произошли немаловажные изменения. Так, в лагере нелиберального капитализма уже не Россия, а Китай играет главную роль. США все еще остаются лидером (хотя и не безусловным) евроатлантического сообщества, но и здесь после окончания холодной войны налицо очевидные изменения [Savin 2020].

Украинский конфликт, начавшийся после присоединения Россией Крыма в 2014 г. и перешедший в горячую фазу в феврале 2022 г., вызвал жесткую реакцию западных стран и их союзников в Индо-Тихоокеанском регионе. Фактически ими была заморожена фаза активного взаимодействия с Россией и сделана ставка на ее изоляцию и маргинализацию, прежде всего, через жесткую санкционную политику, что имело неоднозначные последствия на международной арене. В результате нового подхода Запада к России отношения между главными центрами силы изменили былую конфигурацию: вместо четырехугольника появился треугольник ЕС – США – Китай. Тем не менее российский фактор продолжает играть важную роль в этом треугольнике.

Как отмечал бельгийский политолог Свен Бископ, "Отношения между Западом и Россией действительно начали напоминать 'мини холодную войну': 'мини' – до тех пор, пока весь мир не будет разделен на два соперничающих блока, которые постепенно отделятся друг от друга" [Biscop 2023]. И для России, и для Запада в этом геополитическом раскладе особую роль играет Китай, что делает его значимым фактором европейской безопасности впервые в современной китайской истории. Хотя на вербальном уровне Китай позиционирует себя как стратегического партнера России, он ведет свою

[3] Key enabling technologies for Europe's technological sovereignty. EPRS-European Parliamentary Research Service Scientific Foresight Unit (STOA) PE 697.184 – December 2021. https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697184/EPRS_STU(2021)697184_EN.pdf (accessed 01.09.2023).

[4] European Parliament Hearing with High Representative/Vice President-designate Josep Borrell Press Releases 07-10-2019. https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190926IPR62260/hearing-with-high-representative-vice-president-designate-josep-borrell (accessed 01.09.2023).

собственную игру, сохраняя баланс между всеми международными игроками и извлекая максимальную выгоду из этой позиции [Lubina 2017]. При этом ни Китай, ни Россия не заинтересованы обнажать перед всем миром, особенно перед Западом, свои внутренние разногласия, которые носят объективный характер. Торговая экспансия Китая зиждется на императиве глобализации, для которой первоочередное значение приобретает международная стабильность во всех регионах. С этой точки зрения руководство Китая заинтересовано в скорейшем урегулировании украинского конфликта, что совпадает с интересами ЕС и США и снижает его опасения относительно объединения России и Китая как нового антизападного центра силы. В то же время китайское руководство не заинтересовано в ослаблении России, являющейся главным геополитическим партнером КНР.

Китай и Россия выступают сегодня вместе в противодействии усилению влияния Запада в различных регионах так называемого Глобального Юга. К примеру, в Центральной Азии между Пекином и Москвой существует своего рода разделение ролей, или, по выражению некоторых политологов, российско-китайский кондоминиум. Россия претендует на роль основного провайдера безопасности, тогда как Китай – ведущей экономической державы, вкладывающей 3,8 млрд долл.[5] в развитие региона. Оба государства противостоят усилению влияния Соединенных Штатов в регионе. Кроме того, они опасаются распространения исламистского экстремизма и этнического национализма, которые могут усугубить проблемы с их собственными мусульманскими меньшинствами. Тем не менее в отношениях между двумя партнерами и здесь латентно присутствует некое полемическое начало, которое предполагает, что в недалеком будущем ожидания Китая от присутствия в регионе не будут ограничиваться только лишь экономическими бонусами [Clarke 2020].

Политика Си Цзиньпина все больше фокусируется на вопросах безопасности, будь то ШОС или другие географические направления. В частности, интересы России и Китая все больше сталкиваются в Африке. Как отмечал российский эксперт Василий Кашин, открытие Пекином военной базы в Джибути следует рассматривать в контексте наблюдающейся на протяжении ряда лет тенденции расширения военно-морского присутствия Китая в Индийском океане и в регионе Средиземноморья[6]. Аналогичным образом китайские официальные лица обеспокоены активизацией военного присутствия России в Африке, которое потенциально ограничивает возможности Пекина на континенте. Во многих африканских конфликтах Китай и Россия чаще всего оказывались по разные стороны баррикад и поддерживали противостоящие стороны.

Что касается активности Китая на европейском направлении, то Пекин добился значительных успехов в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе. Для Китая этот регион особенно интересен как точка входа в остальную Европу в рамках инициативы “Один пояс – один путь” (BRI), с возможностями роста для китайских компаний и с более благоприятными нормативно-правовыми и экономическими условиями, чем в Западной Европе [Brattberg, Feigenbaum 2021].

---

[5] Loftus S. America cannot compete with Russia and China for the entirety of the global South. *The National Interest*, 02.06.2023. https://nationalinterest.org/feature/america-cannot-compete-russia-and-china-entirety-global-south-206522 (accessed 01.09.2023).

[6] Сергеев М. Китай может построить военные базы на своем Шелковом пути. *Независимая газета*, 05.08.2019. https://www.ng.ru/armies/2019-05-03/100_silkway0305.html (accessed 01.09.2023).

Миротворчество становится важным направлением в китайской дипломатии как инструмент для повышения роли КНР в вопросах глобальной и региональной безопасности. Как писала политолог Астрид Пеперманс о визите Си Цзиньпина в Москву в марте 2023 г. в статье, опубликованной в голландском журнале *De Morgen*, "Председатель Си Цзиньпин, ставший международным дипломатическим тяжеловесом, призвал к восстановлению порядка и стабильности в Восточной Европе. Мирный план Китая и история успеха ирано-саудовских отношений, в которых Си Цзиньпину удалось выступить посредником ранее в этом месяце, повышают доверие к стремлению Китая к миру... Однако миротворческая миссия Си Цзиньпина меркнет по сравнению с тем, к чему он на самом деле стремится; альтернативный мировой порядок, в котором Глобальный Юг во главе с Китаем определяет правила"[7]. Сможет ли руководство Китая, которому предрекают экономические трудности, воплотить в жизнь свои амбиции, остается открытым вопросом.

Сложное многоуровневое переплетение интересов международных акторов ставит непростые стратегические дилеммы и перед Европейским союзом. Поддерживать ли безоговорочно Соединенные Штаты, остающиеся лидером Западного мира, в их геополитическом соперничестве с Китаем? Или ЕС должен найти свой собственный способ взаимодействия с Китаем, независимый от США? Либо ему следует стремиться к совместной трансатлантической политике в отношении Китая, учитывающей европейские интересы? Вводить ли санкции против Китая за его поддержку России в украинском конфликте или использовать объективную заинтересованность Пекина в глобальной стабильности?

ЕС И США: ПРОБЛЕМНЫЕ СОЮЗНИКИ?

В основе концепции стратегической автономии Европейского союза изначально лежали фундаментальные противоречия между интересами безопасности ЕС и США, проявившиеся лишь после окончания двустороннего противостояния Востока и Запада. Строго говоря, отношения между союзниками всегда были сложными и пронизанными многочисленными разногласиями по ряду вопросов, которые в эпоху биполярности нивелировались зависимостью Западной Европы от США в сфере безопасности. Окончание двусторонней конфронтации по линии Восток – Запад сместило акценты в политике безопасности Белого дома. Уже не безопасность Европы, а потенциальная угроза со стороны Китая, нового растущего центра силы с глобальными амбициями, вызывает главную озабоченность американского руководства, в то время как в европейской повестке дня безопасности на первом месте с 2014 г., с момента присоединения Россией Крыма, стоит так называемая российская угроза.

Кульминацию противоречий между союзниками обычно связывают с приходом в Белый дом Дональда Трампа, известного своим евроскептицизмом. Как отмечала американский дипломат и внешнеполитический советник Джозефа Байдена Джулианна Смит, "Впервые в истории отношений между ЕС и США президент Соединенных Штатов регулярно и открыто выражает презрение к европейскому проекту. В отличие от своих предшественников-республиканцев и демократов, президент Дональд Трамп, похоже, не видит никакой ценности в отношениях Америки с ЕС и, похоже, не ценит истори-

[7] Pepermans A. Xi Jinping, koelbloedige vredesduif met dubbele agenda. *DeMorgen*, 23.03.2023. https://www.demorgen.be/meningen/xi-jinping-koelbloedige-vredesduif-met-dubbele-agenda~b9b52ea8/?referrer=https://www.egmontinstitute.be/ (accessed 01.09.2023).

ческие обстоятельства, которые привели к его созданию. Он считает, что ЕС был ‘сформирован для того, чтобы воспользоваться преимуществами’ США”[8]. Такой подход, по мнению дипломата, ослаблял обе стороны Атлантики, поскольку и ЕС, и США конкурируют с Россией и Китаем. Важно отметить, что при всем пренебрежении Трампа европейскими союзниками и НАТО, его администрация выступала против стратегической автономии ЕС, опасаясь отвлечения ресурсов от НАТО и дискриминации в отношении оборонной промышленности США. Некоторые высокопоставленные чиновники в администрации Трампа также беспокоились по поводу того, что европейская стратегическая автономия подорвет традиционно главенствующую позицию Соединенных Штатов в НАТО [Thompson 2019].

Признавая справедливость упреков в адрес президента Трампа, высказывания которого о европейских союзниках нередко приобретали одиозную форму, следует все же признать, что поворот в американской внешней политике в сторону Китая и Азии в целом произошел раньше. Как это ни парадоксально, этот поворот стал очевиден при самом проевропейском президенте США – Бараке Обаме. Его интенсивные дипломатические усилия – укрепление военных связей с Вьетнамом, Австралией и Филиппинами, увеличение помощи Лаосу, посредничество в потеплении отношений между Южной Кореей и Японией, проект Транстихоокеанского партнерства – посылали миру, и прежде всего Китаю, четкий сигнал о намерениях США играть лидирующую роль в Индо-Тихоокеанском регионе[9]. Американский поворот к Азии вызвал немало критических комментариев и в США, и в Европе. В частности, отмечалось, что Барак Обама совершил серьезную ошибку, отказавшись от роли США в Европе и на Ближнем Востоке. Провозгласив Азию “регионом будущего”, Обама встал на путь сокращения американского военного присутствия в Восточном Средиземноморье и перекладывания бремени ответственности на региональных игроков – Египет, Израиль, Турцию, Грецию – что не могло не волновать европейских союзников, находящихся вблизи очагов нестабильности. Кроме того, Европа, привыкшая на протяжении всего послевоенного периода к роли главного театра мировой политики и глубоко привязанная к американским гарантиям безопасности, не привыкла к тому, чтобы ее называли ушедшим в прошлое регионом.

С “пренебрежением Америки к Европе” некоторые эксперты связывали рост напряженности в Украине и Балтийском регионе, эрозию демократии в Польше и Венгрии, а с отступлением Америки из Ближнего Востока – гражданскую войну в Сирии, кризис с беженцами, вторжение ИГИЛ в Ирак и т.д. Но самое главное, поворот в Азию не сдержал подъем Китая, который стал более агрессивным и начал предъявлять территориальные претензии, в частности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Китай также продолжает сокращать разрыв в военном потенциале с Соединенными Штатами. Его экономика продолжает расти, как и доля в мировом ВВП[10]. Дискуссии по поводу поворота США в Азию продолжаются и по сей день.

[8] Smith J. The EU-US relationship is in crisis. *The German Times*, 2019. https://www.german-times.com/the-eu-us-relationship-is-in-crisis/ (accessed 01.09.2023).

[9] Lieberthal K.G. The American pivot to Asia. *Brookings*, 21.12.2011. https://www.brookings.edu/articles/the-american-pivot-to-asia/ (accessed 01.09.2023).

[10] Ford J. The pivot to Asia was Obama’s biggest mistake. *The Diplomat*, 21.01.2017. https://thediplomat.com/2017/01/the-pivot-to-asia-was-obamas-biggest-mistake/ (accessed 01.09.2023).

Приход администрации Байдена в Белый дом изменил отношение США к европейской стратегической автономии, поскольку в условиях перегруженности обязательствами в области глобальной безопасности и необходимости противостоять "агрессивному стратегическому конкуренту в Азии" у Белого дома просто не хватало сил на Европу. По этой причине укрепление оборонного потенциала ЕС в целях принятия на себя большей ответственности за собственную безопасность объективно отвечало интересам США, которые при новой администрации рассматривали стратегическую автономию как ответ на требования США о большем вкладе Европы в международную безопасность, а не как раскол в трансатлантическом альянсе. Иными словами, президентство Джозефа Байдена с января 2021 г. вернуло отношения с европейскими союзниками в нормальное русло, но не изменило внешнеполитических приоритетов США. 2021 г. также был омрачен новыми трениями: поспешный выход США из Афганистана, усугубивший проблему с беженцами, и оборонный пакт АУКУС (трехсторонний оборонный альянс, образованный Австралией, Великобританией и США 15 сентября 2021 г.). По признанию бывшего посла США в ЕС, "АУКУС открыто показал европейцам, что 'китайцы' в Белом доме управляют автобусом. И они не ценят ЕС как полезного партнера в вопросах, которые важны для США"[11].

Переформатирование повестки безопасности союзников накладывалось и на другие трения в евроатлантических отношениях, включая торговые и промышленные споры. Руководство Европейского союза болезненно отреагировало на решимость Вашингтона продвигать Закон о снижении инфляции (IRA) от 16 августа 2022 г., предполагающий снижение налогов и энергетические льготы для компаний, инвестирующих на территории США. Этот закон подталкивал потребителей покупать "все американское", что затрагивало интересы автопроизводителей во Франции и Германии. ЕС чувствует себя преданным своим главным партнером, который нарушает правила международной торговли и подрывает многостороннюю систему сотрудничества. В ответ ЕС принял собственную программу субсидирования бизнеса в противовес американскому IRA, подписанному президентом Джозефом Байденом в августе 2022 г. и вступившему в силу в январе 2023 г. Закон направлен на предоставление щедрых льгот компаниям, выпускающим электромобили, аккумуляторы и другую продукцию в рамках "зеленого" перехода при условии, что они производятся на американской территории[12].

Активное американское участие в военной помощи Украине, несомненно, оживило евроатлантическое партнерство и сближение ЕС и США в вопросах европейской безопасности. Вместе с тем внутри Евросоюза сохраняются опасения относительно того, что это сближение носит ситуативный характер и в дальнейшем США откажутся от ключевой роли в европейской безопасности. По мнению эксперта Кристи Раик из Европейского совета по международным делам, "все еще существует перспектива того, что США однажды откажутся от своей ключевой роли в европейской безопасности. В связи

[11] Stokes B. All is not well in the transatlantic relationship. *Politico*, 10.01.2022. https://www.politico.eu/article/all-is-not-well-in-the-transatlantic-relationship/ (accessed 01.09.2023).

[12] Паниев Ю. Брюссель настроен на "гонку субсидий" с Вашингтоном. *Независимая газета*, 08.02.2023. https://www.ng.ru/world/2023-02-08/6_8655_leaders.html (accessed 01.09.2023).

с этим европейцы, наконец, предпринимают серьезные шаги, чтобы лучше подготовиться к этому дню”[13].

Финансовая и военная помощь США Украине после начала специальной военной операции России продемонстрировала отставание ЕС по экономическим и военно-техническим ресурсам, препятствующее развитию европейской стратегической автономии, что стимулировало руководство Европейского союза к развитию общей оборонной политики. В мае 2022 г. Европейская комиссия приняла вторую ежегодную рабочую программу Европейского оборонного фонда (EDF), посредством которой она увеличивает финансирование совместных исследований в области инновационных оборонных продуктов и технологий. ЕК также ввела дополнительные меры по продвижению новых технологий в области обороны в рамках новой программы оборонных инноваций Евросоюза (EUDIS).

Важно отметить, что укрепление евроатлантического единства в подходе к украинскому конфликту имело парадоксальное воздействие на сам Европейский союз, усилив разделительные линии между европейскими интеграционистами и евроскептиками-атлантистами. С точки зрения европейских политиков-интеграционистов, ЕС не заинтересован в мире, управляемом китайско-американским соперничеством, поэтому он должен стать действительно самостоятельным полюсом на уровне США и Китая. Стратегическая автономия является предварительным условием для взаимодействия и с США, и с Китаем, поскольку, по мнению Брюсселя, нельзя ни противостоять им, ни сотрудничать с ними с позиции слабости. В связи с этим в последние годы Евросоюзом был разработан всеобъемлющий и юридически обязательный механизм[14] для углубления сотрудничества в области обороны, и 26 государств-членов участвуют в оборонных проектах Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС). Однако страны ЕС расходятся во мнениях относительно сути стратегической автономии и роли, которую ЕС должен играть в международных отношениях.

В отличие от интеграционистов, европейские атлантисты, прежде всего страны “новой Европы”, считают, что роль ЕС должна быть вспомогательной и усиливать позиции главного полюса – США. Курс Евросоюза на стратегическую автономию не вызывал большого энтузиазма с самого начала возникновения этой инициативы, поскольку фактически разрушал устоявшуюся в странах новой Европы (в первую очередь Балтии и Польши) картину мира. НАТО при лидирующей роли США должна обеспечивать коллективную оборону от потенциальной российской угрозы, в то время как ЕС – экономическое благосостояние и процветание. Американская военная помощь или в рамках НАТО, или на двусторонней основе, по мнению политического руководства и экспертного сообщества балтийских стран, – единственный инструмент, способный обеспечить надежное сдерживание российской угрозы в регионе [Арбатова 2023]. С их точки зрения, Европейскому союзу не хватает необходимых возможностей для

[13] Raik K. EU defence facing Russia: Eastern European security after the invasion of Ukraine. *European Council on Foreign Relations*, 02.03.2022. https://ecfr.eu/article/democratic-defence-eastern-european-security-after-the-invasion-of-ukraine (accessed 01.09.2023).

[14] Новый механизм состоит из Скоординированного ежегодного обзора по обороне (*Coordinated Annual Review on Defence*, CARD), Плана развития потенциала (*Capability Development Plan*, CDP), Постоянного структурированного сотрудничества (*Permanent Structured Cooperation*, PESCO), Европейского оборонного фонда (*European Defence Fund*, EDF), Национальных планов внедрения (*National Implementation Plans*, NIPs), Европейского оборонного агентства (*European Defence Agency*, EDA).

развертывания вооруженных сил в кратчайшие сроки и проведения операций территориальной обороны. Таким образом, провозглашаемая руководством Европейского союза взаимодополняемость ЕС и НАТО в сфере обеспечения безопасности является ключевым условием для их участия в проектах ПСС.

Руководство Европейского союза приняло в 2021 г. "Стратегию сотрудничества ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе" (ИТР), которая, с одной стороны, получила всеобщее одобрение, но, с другой стороны, выявила глубокие разногласия между государствами – членами ЕС по ряду критериев сотрудничества. Западноевропейские страны ЕС склонны рассматривать перспективу стратегии ЕС в ИТР одновременно "как способ управления трансатлантическим альянсом и утверждения стратегической автономии". В то же время восточноевропейские государства рассматривают стратегию Евросоюза в ИТР "как способ управления трансатлантическим альянсом и сближения с США"[15]. В соответствии с этой логикой, если для Вашингтона главным оппонентом остается Китай, для сдерживания которого США нужны союзники в Индо-Тихоокеанском регионе, европейцы должны стать такими союзниками наравне с Индией, Японией, Великобританией и Австралией. Эти фундаментальные внутриевропейские разногласия, несомненно, будут определять вектор развития стратегической автономии и внешнеполитическую повестку дня ЕС в ближайшие годы.

ТРИ ЛИЦА КИТАЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЗЕРКАЛЕ

Фактор Китая в отношениях Брюсселя и Вашингтона подспудно отражает существующую в ЕС дихотомию по отношению к КНР, которая рассматривается одновременно как торговый партнер, экономический конкурент и системный соперник. В политике Европейского союза на китайском направлении традиционно главную роль играли экономические факторы и интересы отдельных государств-членов. В 2021 г. объем торговли Китая с Евросоюзом составил 847 млрд долл., что на 2% больше по сравнению с предыдущим годом. При этом Китай продает в ЕС больше (562 млрд долл.), чем закупает у него (285,4 млрд долл.)[16], что отражает уровень зависимости ЕС от Китая. В 2022 г. дефицит торгового баланса составил 396 млрд евро (436 млрд долл.) – что более чем вдвое больше, чем в 2020 г.[17] Данные Европейского статистического управления показывают, что Китай был третьим по величине покупателем европейских товаров в течение 2021 г.[18] Объем торговли между Евросоюзом и Китаем в 2022 г. составлял 2,3 млрд евро в день[19].

[15] Grare F., Reuter M. Moving closer: European views of the Indo-Pacific. *ECFR*, 13.09.2021. https://ecfr.eu/special/moving-closer-european-views-of-the-indo-pacific/ (accessed 01.09.2023).

[16] Объем торговли Китая с Западом оказался в восемь раз больше, чем с Россией. *RTVI Новости*, 23.01.2023. https://rtvi.com/news/obem-torgovli-kitaya-s-zapadom-okazalsya-v-vosem-raz-bolshe-chem-s-rossiej/ (accessed 01.09.2023).

[17] McGee, L. (2023). Western leaders welcomed China's presence at Ukraine peace talks. But Beijing's relationship with Europe is still testy. *CNN*, 12.09. https://edition.cnn.com/2023/08/12/world/europe-china-relations-ukraine-russia-intl-cmd/index.html (accessed 01.09.2023).

[18] Amaro, S. (2023). As China and the U.S. redefine geopolitics, Europe faces a win-win situation. *CNBC*, 26.05. https://www.cnbc.com/2023/05/26/as-china-and-the-us-redefine-geopolitics-europe-faces-a-win-win-situation.html (accessed 01.09.2023).

[19] Глава ЕК: торговля между ЕС и Китаем в 2022 году составляла €2,3 млрд в день. *ТАСС*, 06.04.2023. https://tass.ru/ekonomika/17467259 (accessed 01.09.2023).

Однако, несмотря на обоюдную заинтересованность ЕС и КНР в экономическом сотрудничестве, между партнерами существуют и серьезные разногласия. Как отмечает российский китаист Александр Ломанов, в отношениях Китая и ЕС на первый план выходят обвинения в консервации "искаженного характера" китайской экономики через оказание поддержки государственному сектору и участие государства в экономическом развитии. По мнению ЕС, это создает "несправедливую конкуренцию" по отношению к иностранному бизнесу, включая европейский. Китай с настороженностью воспринимают как главного конкурента ЕС, а не как партнера по экономическому сотрудничеству [Ломанов 2019].

Стремление Китая к лидерству на международной арене, осуществляемое на многих направлениях, включая и геополитическую экспансию, вызывало и продолжает вызывать озабоченность руководства Евросоюза. В Докладе Европейской комиссии, опубликованном в марте 2019 г., выражается обеспокоенность Брюсселя по поводу вызовов Союзу со стороны Китая: "Межсекторальные гибридные угрозы, включая информационные операции и крупные военные учения, не только подрывают доверие, но и ставят под угрозу безопасность ЕС и должны рассматриваться в контексте наших взаимоотношений"[20]. В большой степени Доклад стал реакцией Брюсселя на критику в его адрес. Руководство ЕС нередко обвиняли в том, что оно пытается усидеть на двух стульях – добиваясь прочных экономических отношений с Пекином и в то же время признавая, что китайское правительство является нарушителем прав человека и системным соперником. Поворотным моментом в политике ЕС стало массовое нарушение прав человека в Синьцзяне и агрессивная экономическая экспансия Китая, что побудило ЕС ужесточить свой подход к этой стране. В мае 2021 г. депутаты Европейского парламента большинством голосов утвердили резолюцию, которая фактически замораживала подготовку и ратификацию нового инвестиционного соглашения ЕС с Китаем из-за введенных Пекином контрсанкций и нарушений прав человека. Как отмечалось в Информационном бюллетене Европейской службы внешних действий об отношениях между Европейским союзом и КНР, в последние годы двусторонние отношения между ЕС и Китаем ухудшились в связи с растущим числом раздражителей. К ним относятся ответные меры Китая на санкции ЕС в области прав человека, экономическое принуждение и торговые меры против единого рынка, а также позиция Китая в отношении СВО России на Украине[21].

Вместе с тем руководство Европейского союза придерживается иного подхода к Китаю, чем администрация Байдена [Li 2021]. Евросоюз не готов автоматически поддерживать любые действия Вашингтона против Китая и быть просто инструментом или ресурсом внешней политики Америки на этом направлении. Европейские политики отдают себе отчет в том, что при всей жесткой критике Китая США делают все возможное, чтобы сохранить китайский рынок открытым для американских предприятий. Это вызывает опасения Брюсселя относительно того, что именно европейские компании

[20] European Commission and HR/VP contribution to the European Council EU-China – A strategic outlook. 12.03.2019. https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf (accessed 01.09.2023).

[21] EU-China relations factsheet. European Union External Action. 01.04.2022. https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (accessed 01.09.2023).

будут расплачиваться за ужесточение позиции Брюсселя. В связи с этим Брюссель предпочитает проводить более нюансированную политику в отношении Пекина, направленную не на дистанцирование от Китая, а на снижение возможных рисков. Эта позиция была сформулирована Урсулой фон дер Ляйен в ходе ее совместного с президентом Франции Эммануэлем Макроном визита в Китай в апреле 2023 г. Так, "в своей главной речи о Китае фон дер Ляйен призывает к стратегии снижения рисков, а не разъединения". Первый шаг, по ее словам, заключается в том, чтобы сделать экономику ЕС более конкурентоспособной и устойчивой: оставаясь лидером в ключевых секторах при одновременном сокращении и диверсификации зависимостей. Она также призывает к более активному использованию существующих и новых инструментов контроля за торговлей и инвестициями, как внутренними, так и внешними, чтобы реагировать на китайское принуждение во всех формах[22].

Президент Франции Э. Макрон по итогам апрельской поездки в Китай дал развернутое интервью газете *Les Echos* и порталу *Politico*, в котором изложил свои политические взгляды на отношения между Европейским союзом, Китаем и США. В частности, он призвал ЕС и его государства-члены идти курсом стратегической автономии и руководствоваться прежде всего своими интересами. По мнению Макрона, стратегическая автономия является предварительным условием для взаимодействия с Китаем, с которым нельзя взаимодействовать с позиции слабости. В то время как ЕС укрепляет свою стратегическую автономию, он определенно не заинтересован в ускорении к "дуополии", как называет это Макрон, т.е. к миру, управляемому китайско-американским соперничеством. Следовательно, ЕС должен взаимодействовать с Китаем одновременно с утверждением своей собственной автономии и не давать втянуть себя в конфликт Пекина и Вашингтона вокруг Тайваня. Подтверждая неизменность позиции Франции относительно независимости Тайваня, Макрон, тем не менее, посоветовал занять позицию равноудаленности и не занимать ничью сторону в американо-китайских разногласиях вокруг Тайваня[23]. В отличие от своего главного партнера по франко-германскому тандему, руководство Германии старается проводить более гибкий курс в треугольнике ЕС – КНР – США, направленный на посредничество между США и Францией, а также между Францией и наиболее атлантистскими государствами – членами ЕС.

Менее политизированный подход к Китаю поддерживается рядом стран ЕС, в первую очередь Францией и Германией, которые выступают главными реципиентами китайских прямых инвестиций. Этим странам ЕС удалось добиться смягчения некоторых формулировок, касающихся Китая, в совместном заключении по итогам встречи Совета по торговле и технологиям США и ЕС (*Trade and Technology Council*, TTC), проходившей в мае 2023 г. в Швеции. В частности, из итогового документа были исключены отсылки к экономическим практикам КНР, которые ранее характеризовались как вредная и нерыночная политика. Помимо сторонников прагматичного подхода к Китаю,

[22] Biscop S. (2023). EU-China: we have to talk about (not Macron but) strategy. 24.04. https://www.egmontinstitute.be/eu-china-we-have-to-talk-about-not-macron-but-strategy/ (accessed 01.09.2023).

[23] Barré N. Europe must not be America's "vassals": the full Macron interview after his China visit. *Worldbrunch*, 11.04.2023. https://worldcrunch.com/world-affairs/full-macron-interview-china-us (accessed 01.09.2023).

в ЕС есть страны, открыто лоббирующие его интересы. Например, и Греция, и Венгрия в разных случаях приходили на помощь Китаю, чтобы подорвать или заблокировать заявления Европейского союза по определенным вопросам, касающимся Китая. В апреле и июне 2021 г. правительство премьер-министра Венгрии Виктора Орбана заблокировало заявления ЕС о политике Китая в Гонконге. Министр иностранных дел Венгрии Петер Сийярто заявил со своей стороны, что санкции в отношении Китая "бесполезны и вредны"[24].

В июне 2023 г. Европейская комиссия представила стратегию экономической безопасности, направленную на усиление контроля за экспортом и оттоком технологий, которые могут быть использованы в военных целях "странами, вызывающими озабоченность". "В документе не упоминается Китай, но подчеркивается партнерство со странами-единомышленниками и используется фраза 'снижение риска', что означает политику снижения экономической зависимости от Китая"[25]. В конце июня 2023 г. состоялся саммит ЕС – Китай, на котором было продолжено обсуждение стратегических отношений партнеров. В выводах по итогам саммита подчеркивалось, что "Несмотря на различия в политических и экономических системах, Европейский союз и Китай имеют общую заинтересованность в установлении конструктивных и стабильных отношений, основанных на уважении правил международного порядка, сбалансированном взаимодействии и взаимности". Европейский совет повторил все критические замечания и озабоченности в адрес Китая, уравновесив их позитивными замечаниями и придав документу более дружелюбный тон. Так, выражая обеспокоенность по поводу нарушения прав человека в КНР, Европейский союз приветствовал возобновление диалога с Китаем по этой проблеме. Руководство ЕС выразило также беспокойство по поводу растущей напряженности в Тайваньском проливе и выступило против любых односторонних попыток изменить статус-кво с помощью силы или принуждения. В то же время была подтверждена последовательная политика ЕС "Один Китай". В документе содержался также призыв к Китаю как постоянному члену Совета Безопасности ООН оказать давление на Россию с тем, чтобы прекратить конфликт на Украине и вывести российские войска с ее территории[26].

Некоторое смягчение критики в адрес руководства Китая в последнее время объясняется не только экономическими интересами и желанием ЕС минимизировать риски антикитайской политики своего главного союзника – США. Другим и не менее важным аргументом для ослабления напряженности в отношениях с КНР стала надежда европейских лидеров на посредническую роль Пекина в урегулировании украинского конфликта, который воспринимается как прямая угроза безопасности Европе. По мере того как разворачивалась специальная военная операция РФ на территории Украины, проявлялась официальная позиция Китая. 25 февраля 2022 г. Китай наряду с Индией и Объединенными Арабскими Эмиратами воздержался при голосовании в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции, осуждающему Россию.

[24] Добров Д. Евросоюз озабочен сближением Венгрии и Китая. *ИноСМИ*, 10.06.2021. https://inosmi.ru/20210610/249901408.html (accessed 01.09.2023).

[25] Blenkinsop Ph. EU launches debate on economic security with eye on China. *Reuters*, 20.06.2023. https://www.reuters.com/markets/europe/eu-starts-debate-economic-security-with-eye-china-2023-06-20/ (accessed 01.09.2023).

[26] European Council conclusions on China. Press release June 2023.

Посол Китая объяснил воздержание необходимостью проявлять осторожность, добавив, что "Украина должна быть мостом между Востоком и Западом, а не форпостом для крупных держав"[27]. Верный китайским традициям Си Цзиньпин проводит сбалансированную политику в украинском конфликте. Руководство КНР выступило категорически против санкций ЕС, США и их союзников как способа решения проблем, но на практике некоторые китайские компании и банки заморозили контакты с Россией и Беларусью, опасаясь введения западных санкций. Сингапурский филиал Банка Китая, например, является лишь одним из нескольких банков, которые прекратили финансировать торговлю российскими сырьевыми товарами, а Азиатский банк инфраструктурных инвестиций заморозил всю свою деятельность в России и Беларуси [Biscop, Desseint, Roctus 2023].

Украинский конфликт открыл возможности для Пекина застолбить свою роль в Европе в качестве главного посредника между враждующими сторонами и поколебать представление ЕС о Китае как о системном сопернике. В контактах с Москвой китайское руководство разделяло озабоченности России по поводу политики Запада в сфере безопасности, в то же время в разговорах с украинскими политиками оно выражало сожаление о начале конфликта между Украиной и Россией и призывало обе стороны стремиться найти решение проблемы путем переговоров. Пекин неоднократно подчеркивал, что поддерживает все конструктивные международные усилия, способствующие политическому урегулированию, решительно выступает против ядерной эскалации конфликта и крайне обеспокоен ущербом, причиняемым гражданским лицам. Он проявил гибкость и в отношении решения Евросоюза предоставить Украине статус кандидата на вступление в Европейский союз, подчеркнув, что ЕС – это организация экономической интеграции, а не военной, поэтому Украина законно получит больше экономической поддержки после вступления в ЕС, не переступая "красную черту" в отношении России.

Подобная дипломатическая гибкость и особые отношения Пекина с Москвой внушают европейским политикам некоторую надежду на то, что Китай сдвинет с мертвой точки процесс движения к миру. Брюссель оценил сам факт присутствия китайской делегации на конференции по украинскому конфликту, которая прошла в Джидде 5-6 августа 2023 г. Высшие руководители ЕС, США и Саудовской Аравии настойчиво добивались участия Пекина с тем, чтобы усилить поддержку Глобального Юга украинскому руководству. Одним из реальных успехов конференции в Джидде международные обозреватели считают то, что Киев перестал настаивать на безоговорочном выводе российских войск, и связывают это с участием Китая. Вместе с тем ряд европейских дипломатов не склонен переоценивать значение китайского участия в Джидде. Поскольку ключевая цель Китая – поддерживать разногласия в отношениях ЕС и США, Джидда, по их мнению, это реакция на то, что Россия подталкивает Европу ближе к США. Поэтому Китай почувствовал, что ему необходимо возобновить взаимодействие по Украине[28].

[27] Security Council fails to adopt draft resolution on ending Ukraine crisis, as Russian Federation wields veto. UN, Meetings Coverage and Press Releases, New York, 25 February 2022. https://press.un.org/en/2022/sc14808.doc.htm (accessed 01.09.2023).

[28] McGee L. Western leaders welcomed China's presence at Ukraine peace talks. But Beijing's relationship with Europe is still testy. *CNN*, 12.08.2023. https://edition.cnn.com/2023/08/12/world/europe-china-relations-ukraine-russia-intl-cmd/index.html (accessed 01.09.2023).

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сложившихся международно-политических условиях в треугольнике ЕС – США – Китай перед Брюсселем стоит непростая триединая задача. Во-первых, сохранить и по возможности укрепить отношения с США как с главным союзником в сфере безопасности. Во-вторых, осуществлять взаимовыгодное сотрудничество с Китаем, снижая возможные риски в этом взаимодействии. И, в-третьих, поддерживать баланс в отношениях Вашингтона и Пекина во избежание конфликта между ними, который поставил бы ЕС в сложное положение. Выполнение этих целей будет зависеть не только от тенденций мирового развития, но и от внутренних процессов в трех центрах силы.

На международной арене для реализации поставленных целей ЕС должен стремиться к тому, чтобы сохранить мир единым, т.е. обеспечивать единый мировой порядок с основным набором правил, в котором будут заинтересованы другие государства, поскольку общие правила создают наиболее благоприятные условия для обеспечения их интересов. По определению как институт, изначально опирающийся только на мягкую силу, ЕС склонен к многостороннему сотрудничеству, однако он должен играть более активную роль не только в рамках традиционных союзов, но и в создании новых коалиций, которые могли бы объединять либеральные и нелиберальные государства, заинтересованные в решении тех или иных задач.

С точки зрения внутреннего развития, которое будет определять и внешнеполитический вектор развития европейской интеграции, одним из главных вызовов для Европейского союза остается вопрос о единстве его государств-членов, которые разделены по многим вопросам, прежде всего по вопросу о самой роли ЕС в международных отношениях. Внутри Евросоюза постепенно формируется центр силы из стран “новой Европы”, который хочет большего участия в определении интеграционной повестки дня. Солидарность, столь необходимая для принятия важных решений в Европейском союзе, несомненно, требует введения институциональных новшеств и новых механизмов, в частности создания Совета безопасности Евросоюза и принятия голосования квалифицированным большинством по самым важным вопросам для развития европейской интеграции.

Что касается главного союзника ЕС – Соединенных Штатов, то будущие президентские выборы в 2024 г. привносят некоторую неопределенность в дальнейшее развитие евроатлантических отношений. Опыт президентства Дональда Трампа оставил неприятное послевкусие у европейцев. На этом фоне в обозримом будущем Китай предстает более предсказуемым и стабильным партнером, несмотря на прогнозируемую экономическую стагнацию и социальную напряженность, которые вряд ли проявятся в полную силу в ближайшие два-три года. Как гласит восточная пословица, раненый слон умирает дольше, чем раненый кролик.

Несомненно, российский фактор будет неизбежно присутствовать в отношениях Европейского союза с США и Китаем. Нормализация отношений Евросоюза и РФ после окончания украинского конфликта будет способствовать становлению действительно полицентричного мира, превращению НАТО из блока в формат отношений ЕС и США и росту нормальной конку-

ренции между государствами – членами ЕС и КНР за российский рынок, что, безусловно, соответствует экономическим и политическим интересам России.

DOI: 10.17976/jpps/2023.06.07

THE VERSATILE TRIANGLE: EU RELATIONS WITH THE USA AND CHINA

N.K. Arbatova[1]

[1] *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

ARBATOVA, Nadezhda Konstantinovna, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Head of Department on European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS, email: arbatova@imemo.ru

Arbatova, N.K. (2023). The versatile triangle: EU relations with the USA and China. *Polis. Political Studies*, 6, 83-99. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.07

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Received: 21.08.2023. Accepted: 21.09.2023

Abstract. Cooperation and competition between global and regional centers of power that seek to increase their influencer in order to more effectively realize national interests, are the natural state and essence of polycentricity of modern international relations. The course of the European Union towards strategic autonomy raises the question of its relations with two global centers of power – the United States, the EU's most important ally, and China, its economic partner and competitor. Should the European Union become a full-fledged independent center, or should it play a supporting role of the most loyal ally of the other pole – the United States? This issue is at the heart of the modern EU strategy. The EU's 2016 Global Security Strategy proclaims a common course for strategic autonomy, but leaves out the answer to this existential question, since the EU member States still fundamentally disagree on the ultimate goals of strategic independence.

Keywords: European Union, USA, NATO, China, Russia, European security, Euro-Atlanticism crisis, strategic autonomy, polycentricity of international relations, European values, economic competition.

References

Biscop, S. (2023). War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? Egmont Paper 123. https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2023/05/Sven-Biscop_Paper_123_vFinal.pdf?type=p

Biscop, S., Dessein, B., & Roctus, J. (2022). Putin is creating the multipolar world he (thought he) wanted. Egmont Policy Brief, No. 156. https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2022/03/spb156-sven.pdf?type=pdf

Brattberg, E., & Feigenbaum, E.A. (2021). Southeastern, Central, and Eastern Europe: vulnerabilities and resilience in four countries. Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2021/10/13/china-s-influence-in-southeastern-central-and-eastern-europe-vulnerabilities-and-resilience-in-four-countries-pub-85415

Christiansen, Th., Kirchner, E.J., & Wissenbach, U. (2018). The European Union and China. Red globe press. https://cadmus.eui.eu/handle/1814/60896

Chrone, G.R. (1969). Background to political geography. London: Pittman.

Clarke, M. (2020). The neglected Eurasian dimension of the 'Indo-Pacific': China, Russia and Central Asia in the Era of BRI. *Security Challenges*, 16(3), 32-38.

Li Xing (Ed.). (2021). China-EU relations in a new era of global transformation. London: Routledge.

Lubina, M. (2017). Russia and China: a political marriage of convenience – stable and successful. Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers.

Mackinder, H.J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, 23(4), 421-437. https://doi.org/10.2307/1775498

Marshall, T. (2015). Prisoners of geography: ten maps that tell you everything you need to know about global politics. Elliott & Thompson.

Morillas, P, & Quero, J. (2020). The US, China, and the EU in a New Global Order: A World of Two or Three? *CIDOB Opinion 606*, January, 1-3.

Baykov, A., & Shakleina, T. (Ed.). (2023). Polycentric world order in the making. Singapore: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-19-5375-0

Savin, L. (2020). Ordo pluriversalis: the end of Pax Americana and the rise of multipolarity. London: Black House Publishing.

Thompson, J. (2019). European strategic autonomy and the US. CSS analyses in security policy. No. 248. https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse248-EN.pdf

Arbatova, N.K. (2019). Strategic autonomy of the European Union: reality or good intention? *Polis. Political Studies*, 6, 36-52. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04

Arbatova, N.K. (2020). Will European Union become a global power center? *World Economy and International Relations*, 64(6), 51-65. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65

Arbatova, N.K. (2023). The Baltic states and the EU strategic autonomy. *World Economy and International Relations*, 67(8), 26-36. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-26-36

Arbatova, N.K., & Kokeev, A.M. (Ed.). (2020). Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia]. Moscow: IMEMO RAS, Ves' Mir. (In Russ.)

Lomanov, A.V. (2019). China-EU relations: between cooperation and competition. *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*, 24(24), 158-172. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009

Литература на русском языке

Арбатова Н.К. 2019. Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание? *Полис. Политические исследования. № 6. С. 36-52.* https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.04 EDN: WQTWUS.

Арбатова Н.К. 2020. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 6. С. 51-65. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65 EDN: BXUAIK.

Арбатова Н.К. 2023. Страны Балтии и стратегическая автономия Европейского союза. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 8. С. 26-36. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-26-36. EDN: ZMONAU.

Ломанов А.В. 2019. Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Т. 24. № 24. С. 158-172. https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009. EDN: ARDYCV.

Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. 2020. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, Весь Мир. EDN: DKGUHU.